

ПОСТВЫБОРНЫЙ КРИЗИС В МЬЯНМЕ

Ксения Ефремова*

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
(МГИМО МИД России)

ORCID: 0000-0003-4300-6683

© К.Ефремова, 2021 г.

DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-89-98

Аннотация Статья посвящена текущей политической ситуации в Республике Союз Мьянма, где в феврале 2021 г. к власти вернулись военные. Рассматривается правомерность введения военными в стране режима чрезвычайного положения и передачи власти верховному главнокомандующему старшему генералу Мин Аун Хлайну. Ситуация в Мьянме сравнивается с сопредельным Таиландом, где «санационные» военные перевороты стали рутинной составляющей политического процесса. Подчеркиваются различия в восприятии событий в Мьянме и Таиланде мировым сообществом. Рассматривается «фактор До Аун Сан Су Чжи» и информационно-политическая кампания, развернутая против Мьянмы в ведущих мировых СМИ. Особое внимание уделяется политике США в отношении Мьянмы как страны, занимающей стратегически важное положение на побережье Бенгальского залива. Рассматривается роль американских благотворительных фондов и социальных сетей в организации массовых беспорядков в Мьянме в ответ на введение мьянманскими военными режима чрезвычайного положения. Дается оценка действиям активистов «движения гражданского неповиновения», характеризуются его цели и практические результаты. Рассматриваются возможные сценарии дальнейшего развития событий, подчеркивается ключевая роль мьянманских вооруженных сил (Тамадо) в процессе мирного урегулирования поствыборного политического кризиса в Мьянме.

Ключевые слова Мьянма, Бирма, выборы, политический кризис, чрезвычайное положение, Тамадо, демократия, транзит

Title Post-election crisis in Myanmar

Abstract The article analyzes the current political situation in Myanmar where the military came back to power in February 2021. The legality of introducing the state of emergency by the military and of transferring the state power to the Commander-in-Chief of the Defence Services Senior General Min Aung Hlaing is addressed. The situation in Myanmar is also compared with the neighbouring Thailand where military takeovers have become a political routine. The difference between Myanmar's and Thailand's coups and their perceptions by the international

* Ефремова Ксения Александровна – доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, кандидат политических наук.

Ksenia Efremova is an Associate Professor at the Department of Asian and African Studies, the School of International Relations, and a Research Fellow at the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow.

community is highlighted. The “Daw Aung San Suu Kyi factor” and the political-information campaign against Myanmar in global mass media are analyzed. Special attention is paid to the U.S. policy towards Myanmar as a country that is strategically located at the coast of the Bay of Bengal. The role of U.S.-based charity funds and social networks in organizing mass protests in Myanmar, in reaction to the state of emergency declared by the military, is explored. The Civil Disobedience Movement’s actions, goals and practical results are discussed. Finally, the article outlines scenarios of future developments and focuses on the key role of Myanmar’s military (the Tatmadaw) in peaceful solution of the post-election political crisis in Myanmar.

Keywords Myanmar, Burma, elections, political crisis, state of emergency, Tatmadaw, democracy, transition

До недавнего времени Мьянма (до 1989 г. – Бирма), самое крупное государство Индокитайского полуострова и второе по величине государство-член АСЕАН (после Индонезии), являлась образцовым примером успешного перехода от военной диктатуры к парламентской демократии. Весь мир напряженно следил за тем, как лауреат Нобелевской премии мира 1991 г. До Аун Сан Су Чжи и возглавляемая ею партия Национальная лига за демократию (НЛД) одерживали одну электоральную победу за другой: сначала на довыборах 2012 г., а затем на всеобщих парламентских выборах 2015 и 2020 годов. Казалось, что процессы демократизации в стране необратимы и возврат к правлению военных невозможен. Однако события 1 февраля 2021 г. показали, что мьянманские вооруженные силы (известные в Мьянме как «Тамадо») не намерены сдаваться и готовы бороться за власть до конца.

Что же произошло в стране за несколько месяцев, прошедших с ноябрьских выборов 2020 г.? Почему армейское руководство, признавшее свое поражение на выборах пятилетней давности, на этот раз выбрало иной курс? Каковы перспективы возвращения Мьянмы к демократическому правлению? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим причины поствыборного кризиса в Мьянме и вероятные пути его разрешения.

I. А был ли военный переворот?

Рано утром 1 февраля 2021 г. в новостных лентах мировых информагентств появилось неожиданное сообщение: в Мьянме произошел военный переворот, президент У Вин Мьин и государственный советник До Аун Сан Су Чжи арестованы, а власть перешла в руки старшего генерала Мин Аун Хлайна. Однако уже тогда появились и иные трактовки происходящего: так, китайское информационное агентство «Синьхуа» деликатно назвало эти события «крупными перестановками в кабинете министров», последовавшими за введением в стране чрезвычайного положения.¹ Следует признать, что китайские комментаторы оказались более корректными в описании имевших место событий, чем их западные коллеги: действительно, формально действия мьянманских военных укладывались в конституционные рамки и не противоречили местному законодательству.

Согласно 417-й и 418-й статьям ныне действующей конституции, принятой в 2008 г., в случае возникновения достаточных причин для введения режима чрезвычайного положения (таких, как угроза территориальной целостности, единству нации или суверенитету страны) президент по согласованию с

Национальным советом по обороне и безопасности имеет право ввести режим чрезвычайного положения сроком на один год (с возможностью дважды продлевать его на полгода), передав всю власть верховному главнокомандующему вооруженными силами Мьянмы (в современной Мьянме президент страны и главнокомандующий – это разные люди, причем главком обладает очень весомым политическим влиянием).² При этом полномочия парламентов всех уровней приостанавливаются до окончания режима чрезвычайного положения.³

Формально военные соблюли все положения конституции, написанной под их надзором: поскольку президент страны У Вин Мьин был отстранен от власти, приказ о введении режима чрезвычайного положения подписал заменявший его первый вице-президент, отставной генерал У Мьин Схвей. Правда, вопросы о том, насколько законным было оперативное отстранение военными избранного президента без процедуры объявления ему импичмента и достаточными ли были причины для введения режима чрезвычайного положения, остались открытыми.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что мьянманские события не стали чем-то кардинально новым для региона Юго-Восточной Азии: например, в сопредельном Таиланде военные перевороты происходили уже тринадцать раз (последний раз – в 2014 г.), став привычным инструментом политической борьбы.⁴ Тем не менее тайландские события никогда не вызывали такой острой реакции мирового сообщества, как ситуация в Мьянме. Причины этого, на наш взгляд, заключались в следующем.

Во-первых, тайландские военные действовали с молчаливого согласия короля и никогда не удерживали власть надолго. Эти перевороты не приводили к кардинальной смене основного вектора политического развития страны, а служили своего рода инструментом политической «санации», направленной не на свержение монархии, а на ее сохранение. В Мьянме же военные перевороты традиционно влекли за собой изменение государственного строя, означавшее полный разрыв с прошлым. Так, в марте 1962 г. верховный главнокомандующий Тамадо генерал Не Вин положил конец парламентской демократии, распустив политические партии и объявив о строительстве социализма с национальной спецификой, при котором решающую роль играют вооруженные силы. Однако новая конституция страны была принята лишь в 1974 г. Соответственно, формальное возвращение мьянманского общества к гражданскому (по сути квазигражданскому) правлению растянулось на двенадцать лет.⁵

Социалистический эксперимент продолжался до сентября 1988 г., когда министр обороны генерал Со Маун по согласованию с Не Вином и на фоне масштабных антиправительственных выступлений взял власть в свои руки, ликвидировав однопартийную систему и провозгласив курс на построение многопартийного демократического общества. Сформированный мьянманскими военными новый правящий орган получил название «Государственный совет по восстановлению законности и правопорядка» (в 1997 г. он был реорганизован и назван Государственным советом мира и развития). Действие старой конституции было приостановлено, а новая конституция была принята лишь в мае 2008 г. Таким образом, страна прожила в условиях прямого военного правления еще без малого два десятка лет.⁶

Неудивительно, что реакция мьянманского общества на очередной приход к власти Тамадо в феврале 2021 г. в основном была резко негативной. Однако нынешние события существенно отличались по своим ключевым параметрам от переворотов 1962 и 1988 годов. На этот раз они происходили в формальном соответствии с действующей конституцией 2008 г., которую военные не собирались

и не собираются отменять. Конституция определяет четкий срок нахождения у власти военных (максимум два года), по истечении которого должны быть проведены парламентские выборы и выборы президента страны. Более того, вышедшие на политическую авансцену военные начали широкий диалог с оппозиционными политическими партиями, недовольными фактической монополией на власть свергнутой НЛД, стремясь согласовать с ними контуры будущего политического устройства Мьянмы. Такое обращение Тамадо к представителям гражданского общества было беспрецедентным шагом, не имевшим аналогов в современной истории страны.

Во-вторых, если продолжить аналогию с Таиландом, то следует признать, что немалую роль в последнем случае играют тесные партнерские отношения Бангкока с Вашингтоном. Во времена «холодной войны» Таиланд выступал в качестве американского форпоста в Юго-Восточной Азии, противостоявшего экспансии вьетнамского коммунизма. Мьянма же была социалистической страной, постепенно склонявшейся в сторону Китайской Народной Республики, и потому не заслужила расположения американских стратегов. Помимо этого, следует подчеркнуть особую роль для Мьянмы так называемого фактора До Аун Сан Су Чжи. Дочь национального героя Мьянмы генерала Аун Сана всю свою сознательную жизнь провела за границей, получила образование в Индии и Великобритании и была привержена ценностям западной демократии.⁷ В 1988 г. она вернулась в Мьянму, чтобы ухаживать за тяжело больной матерью, и неожиданно для себя стала ярким лидером продемократического движения. Именно на нее сделали ставку США и страны Западной Европы, поддержав ее в противостоянии с Тамадо.

В этих условиях в конце XX – начале XXI века Мьянма, в т. ч. усилиями крупнейших мировых средств массовой информации, превратилась в государство-изгоя, где правит кровавая хунта, грубо попирающая права человека. Формированию этого негативного образа активно способствовал Голливуд, где были созданы такие фильмы как «Рэмбо-4: Последняя кровь» Сильвестра Сталлоне (2008 г.) и «Леди» Люка Бессона (2011 г.). При этом выразители мирового общественного мнения, говоря о Мьянме, нередко предпочитали использовать расхожие штампы, мало интересуясь реальной обстановкой в стране и усилиями Тамадо по ее стабилизации. Постоянный представитель Мьянмы в ООН в 2001–2010 годах Чжо Тин Свей в одном из своих выступлений назвал такие высказывания «злонамеренно сфабрированными голословными обвинениями».⁸ В свою очередь, военное руководство Мьянмы демонизировало продемократическую оппозицию, клеймя ее лидеров как «марионеток Запада». Эта информационная война продолжалась на протяжении нескольких десятилетий. Ее очередное обострение в начале 2021 г. уже проходило в эпоху и при активной роли социальных сетей (в частности, «Facebook»).

Вскоре после введения в стране режима чрезвычайного положения в сети «Facebook» были заблокированы страницы официальных органов и средств массовой информации Мьянмы⁹ под тем предлогом, что они сеют ненависть и распространяют дезинформацию. При этом руководство социальной сети не стало вводить аналогичных ограничений для страниц, размещавших призывы оппозиционных политиков и организаций, включая самопровозглашенный «Комитет, представляющий Союзный парламент» и теневое «Правительство национального единства». Фактически владелец «Facebook» Марк Цукерберг открыто выступил на стороне одной из противоборствующих сил, способствуя разжиганию внутримьянманского конфликта. Со своей стороны, военное правительство

публично заявило о том, что американский филантроп Джордж Сорос финансирует антиправительственные выступления и террористические акты в стране из средств своего благотворительного фонда, действующего на территории Мьянмы.¹⁰ Официальные СМИ Мьянмы также неоднократно приводили свидетельства того, что мьянманским военным противостоят не только мирные демонстранты, но и вооруженные боевики, против которых приходится применять силовые методы подавления.

Учитывая важное геостратегическое положение Мьянмы, граничащей с Китаем и контролирующей значительный отрезок побережья Бенгальского залива, неудивительно, что она привлекает внимание внерегиональных держав, в первую очередь США.¹¹ После самороспуска Государственного совета мира и развития в марте 2011 г., когда власть была передана выигравшей парламентские выборы 2010 г. проармейской Партии солидарности и развития Союза (ПСРС), политические контакты между Нейпидо и Вашингтоном стали постепенно налаживаться. Значительной активизации мьянманско-американских отношений способствовала победа НЛД на довыборах в союзный парламент в 2012 г., в результате чего До Аун Сан Су Чжи (которая провела в общей сложности около пятнадцати лет под домашним арестом без права заниматься политической деятельностью) наконец получила депутатский мандат. Это событие не прошло незамеченным для Вашингтона: действующий на тот момент президент США Барак Обама дважды (в ноябре 2012 г. и в ноябре 2014 г.) посетил Мьянму в знак поддержки молодой демократии в этой стране. Визиты Б.Обамы подчеркнули значимость этой страны для американских стратегов¹². Однако укрепить свои позиции в Мьянме американцам не удалось.

Уверенная победа НЛД на всеобщих парламентских выборах 2015 и 2020 годов, достигнутая во многом благодаря грамотному применению современных политтехнологий, продемонстрировала неспособность лидеров ПСРС конкурировать со своими политическими оппонентами на электоральном поле.¹³ Однако триумф правящей партии длился недолго. Свержение НЛД и возвращение к власти Тамадо означали провал американской дипломатии в Мьянме, с которым США были не готовы мириться. В этих условиях началась реализация другого сценария – так называемой «цветной революции».

Таким образом, развивающийся в Мьянме внутривнутриполитический кризис нельзя рассматривать в отрыве от широкого международно-политического контекста. Ситуация в стране гораздо сложнее и трагичнее, чем это кажется на первый взгляд. Страдают от нее, в первую очередь, рядовые граждане, которых так или иначе затронуло протестное движение и жесткая реакция на него мьянманских силовиков.

II. А была ли демократия?

Формальным поводом для введения в стране режима чрезвычайного положения послужило выдвинутое проармейской оппозицией в адрес президента обвинение в массовых фальсификациях результатов парламентских выборов 2020 г., допущенных, по ее мнению, союзным избиркомом. Согласно скрупулезно собранным ПСРС и другими проармейскими политическими объединениями данным, доля ошибочных сведений в электоральных списках по всей стране доходила до 25%, что ставило под сомнение результаты, полученные партиями в ходе последних выборов. Кроме того, на избирательных участках практически не было независимых наблюдателей, которые могли бы подтвердить честность и прозрачность голосования.¹⁴ На основании выявленных нарушений оппозиция

потребовала от президента пересмотреть итоги выборов, в чем ей было отказано. Именно тогда армия, являющаяся гарантом соблюдения конституции, взяла бразды правления в свои руки с декларируемой целью усовершенствовать электоральное законодательство и провести новые, более справедливые выборы в парламент страны.¹⁵

Очевидно, что такое решение не устроило уже избранных депутатов от НЛД, которые создали «Комитет, представляющий Союзный парламент» и провозгласили себя единственной законной властью в стране. Самопровозглашенный комитет инициировал «движение гражданского неповиновения» (ДГН), объявив всех, кто так или иначе сотрудничает с действующим правительством Мьянмы (Государственным административным советом), пособниками террористов.¹⁶ Под это определение попали врачи, учителя, банковские служащие и прочие работники социальной сферы, которым активисты ДГН начали угрожать «общественным наказанием» в случае их выхода на свои рабочие места. Нарушителей запрета избивали, сбрасывали им брови и травили в социальных сетях.¹⁷ Известны случаи, когда «общественное наказание» заканчивалось убийством проправительственно настроенных чиновников.¹⁸ Предпринимались и действия, направленные на приближение коллапса мьянманской экономики (например, призывы к международным компаниям, работающим в Мьянме, не платить налоги нынешнему правительству), который, по замыслу организаторов протестного движения, должен был привести к падению «кровавой хунты». Помимо этого, активисты ДГН устраивали акции у иностранных посольств, требуя ввести в страну миротворческие войска ООН и свергнуть Государственный административный совет во главе со старшим генералом Мин Аун Хлайном. Свои действия организаторы протестов координировали через «Facebook».

По словам главы информационной группы Государственного административного совета Мьянмы генерал-майора Зо Мин Туна, протестное движение в стране прошло пять этапов: (1) мирные массовые демонстрации в защиту демократии; (2) переход от мирных протестов к нападению на представителей правительственных органов; (3) вооруженные атаки на местные службы правопорядка; (4) погромы, поджоги, нападения на иностранные (в основном китайские) предприятия для нанесения материального ущерба; (5) террористические акты с применением взрывчатки, самодельных бомб и гранат для атак на правительственные здания, школы и транспортные средства, заводы и заводские цеха, а также на тех мирных граждан, кто настроен против ДГН.¹⁹ По словам Зо Мин Туна, сообщения ряда мировых информагентств о расстреле мьянманскими силовиками мирных демонстраций не соответствуют действительности: боевое оружие начало применяться ими лишь тогда, когда протест принял вооруженный характер. В настоящее время «Комитет, представляющий Союзный парламент» призывает к созданию «Новой федеративной армии», которая могла бы вести партизанскую войну против регулярных частей Тамадо. Многие молодые активисты ДГН бегут в джунгли, чтобы пройти там военную подготовку в лагерях сепаратистов (в периферийных районах страны десятилетиями действует ряд повстанческо-сепаратистских группировок). Призывы избранных депутатов от НЛД, направленные на обострение конфронтации с действующим правительством, не способствуют нормализации политической обстановки в стране. Нормализации не способствует и избыточное, нередко сопровождающееся человеческими жертвами применение силы со стороны полиции и армейских подразделений в отношении гражданского

населения, зачастую совершенно не причастного к вооруженным протестам и антиправительственной деятельности.

III. Что дальше?

Очевидно, что возможные сценарии развития событий в самой Мьянме и вокруг нее в кратко-среднесрочной перспективе исходят из того, сумеет ли Тамадо удержать власть. Если уличные протесты и акты вандализма прекратятся, подрывная деятельность сторонников движения гражданского неповиновения (в первую очередь, «Комитета, представляющего Союзный парламент») будет пресечена, а политическая ситуация в стране стабилизируется настолько, что в Мьянму вернутся иностранные инвесторы (хотя бы из азиатских стран), то экономика постепенно начнет восстанавливаться, и появятся предпосылки для проведения новых парламентских выборов. Скорее всего, военные изменят избирательную систему, отказавшись от принципа “first past the post” («первый получает все»), который обеспечил бывшей правящей партии очередную победу в ноябре 2020 г., в пользу более инклюзивной пропорциональной системы с сохранением квоты в 25% для депутатов от Тамадо.²⁰ Вероятность того, что военные освободят До Аун Сан Су Чжи, как этого требует мировое сообщество, невелика, учитывая тяжесть предъявленных ей обвинений в коррупции и государственной измене.

Если военные изолируют лидера Национальной лиги за демократию и не допустят саму эту партию до участия в парламентских выборах (как это было сделано в 2010 г.), то в результате Мьянма получит очередное квазигражданское правительство, сформированное Тамадо и реализующее их политическую программу, что, возможно, будет «наименьшим из зол». Если же Тамадо не сумеет удержать власть (вследствие внутреннего раскола на враждующие фракции или вооруженного вмешательства извне, на которое надеются их политические соперники), то мьянманское общество окажется перед тяжелым выбором между углублением кризиса, нестабильностью и даже анархией, с одной стороны, и внешним управлением, с другой. Распространенные в международных СМИ и среди части экспертов рассуждения о том, что мьянманцы не потерпят возрождения военной диктатуры и будут противостоять «кровавой хунте» до конца, по сути, означают, что в стране начнется гражданская война на самоистребление. Ни одна политическая цель не способна оправдать такое развитие событий. Вне зависимости от политических предпочтений и отношения к Тамадо и лично к старшему генералу Мин Аун Хлайну, следует признать, что армия в Мьянме представляет собой влиятельную политическую силу, с которой придется договариваться ее оппонентам.²¹

Однако даже если события пойдут по относительно благоприятному сценарию и враждующим сторонам удастся достичь компромисса без вмешательства внешних сил, вернуть ситуацию в прежнее русло уже не получится. До Аун Сан Су Чжи (которой в 2020 г. исполнилось 75 лет), выйдя из-под ареста, вряд ли сможет вернуть себе реальные властные полномочия и консолидировать расколотую страну. Скорее всего, она превратится в символ победы продемократических сил, из среды которых к тому времени выдвнутся новые, молодые и амбициозные лидеры, ориентирующиеся на США и страны ЕС, которые и займут ведущие позиции на переговорах с Тамадо, если такие переговоры вообще когда-либо состоятся.

В целом можно утверждать, что нынешнее мьянманское правительство столкнулось с серьезным кризисом легитимности, подогреваемым из-за рубежа. Оно должно найти способы вернуть себе доверие своих граждан, чтобы Мьянма не превратилась в очередное «несостоявшееся государство», ввергнутое в кровавый хаос и раздираемое внутренними противоречиями. Добиться этого можно только мирным путем, путем переговоров при взаимной готовности противоборствующих сторон к поиску компромиссов. К сожалению, в настоящий момент такую готовность не демонстрирует ни один из участников конфликта, что негативно отражается на перспективах мирного урегулирования поствыборного политического кризиса в Мьянме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Срочно: Военные в Мьянме объявили о крупных перестановках в кабинете министров // Синьхуа Новости. 01.02.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-02/01/c_139713759.htm (дата обращения 29.05.2021).

² Maung Aung Myoe. The soldier and the state: the Tatmadaw and political liberalization in Myanmar since 2011 // South East Asia Research. 2014. № 2 (22). С. 239.

³ Constitution of the Republic of the Union of Myanmar. The Tenth day of Kasone Waning, 1370 M.E. (The Twenty-Ninth day of May, 2008). URL: <https://www.mlis.gov.mm/mLsView.do;jsessionid=1EF0DC70FEA5610EC1432C470732BF8A?lwordSn=3165> (accessed 29.05.2021).

⁴ Липилина И.Н. Королевство Таиланд // Электоральные процессы в странах Юго-Восточной Азии в XXI веке. Отв. ред. Н.Н.Бектимирова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 145–167.

⁵ Васильев В.Ф. История Мьянмы / Бирмы. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2009. С. 292–309.

⁶ Chambers P. Constitutional change and security forces in Southeast Asia: lessons from Thailand and Myanmar // Contemporary Southeast Asia. 2014. № 1 (36). С. 117–118.

⁷ Симония А.А. Мьянма: Арена «большой игры» за политическое влияние в Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 76–84.

⁸ Цит. по: Симония А.А. Мьянма: нерешенные политические проблемы правительства НЛД // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 4 (41) (4). С. 101.

⁹ Facebook запретил военным Мьянмы использовать свои платформы // Коммерсантъ. 25 февраля 2021.

¹⁰ Зо Мин Тун: Мьянма не станет второй Сирией // РИА Новости. 22.04.2021. URL: <https://ria.ru/20210422/myanma-1729419565.html> (дата обращения 29.05.2021).

¹¹ Fiori A., Passeri A. Hedging in search of a new age of non-alignment: Myanmar between China and the USA // Pacific Review. 2015. № 5 (28). С. 694–695.

¹² Haacke J. The United States and Myanmar: from antagonists to security partners? // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2015. № 2 (34). С. 62–65.

¹³ Козьма П.Н. Под красным знаменем: Сила и слабость правящей партии на выборах в Мьянме // LiveJournal. 10.11.2020. URL: <https://dragon-naga.livejournal.com/86093.html> (дата обращения 29.05.2021).

¹⁴ Телеграм-канал Петра Козьмы «Мьянма/Myanmar». 17.05.2021. URL: <https://t.me/mmrus/7091> (дата обращения 29.05.2021).

¹⁵ Republic of the Union of Myanmar Office of the Commander-in-Chief of Defence Services Notification No. 1/2021. 1 February 2021. URL: <https://www.myawady.net.mm/content/republic-union-myanmar-office-commander-chief-defence-services-notification-no-12021-5th> (accessed 29.05.2021).

¹⁶ Statement Informing the Right of Citizens to Practice Self-Defense in Response to Terrorist Violence. The Committee Representing Pyidaungsu Hluttaw (CRPH). 14 March 2021. URL: <https://crphmyanmar.org/statement-informing-the-right-of-citizens-to-practice-self-defense-in-response-to-terrorist-violence> (accessed 29.05.2021).

¹⁷ Myanmar “traitors” hounded online // The Daily Star. 05.04.2021. URL: <https://www.thedailystar.net/world/news/myanmar-traitors-hounded-online-2072341> (accessed 29.05.2021).

¹⁸ Local official of Myanmar regime shot dead in downtown Yangon // The Irrawaddy. 18.05.2021. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/local-official-of-myanmar-regime-shot-dead-in-downtown-yangon.html> (accessed 29.05.2021).

¹⁹ Зо Мин Тун: Мьянма не станет второй Сирией // РИА Новости. 22.04.2021. URL: <https://ria.ru/20210422/мьянма-1729419565.html> (дата обращения 29.05.2021).

²⁰ New UEC seeks suggestions from political parties over initiation of PR system // Eleven Myanmar. 02.03.2021. URL: <https://elevenmyanmar.com/news/new-uec-seeks-suggestions-from-political-parties-over-initiation-of-pr-system> (accessed 29.05.2021).

²¹ Ефремова К.А. Бирма/Мьянма: парадоксы демократического транзита (1987–2017). – М.: МГИМО-Университет, 2018.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Васильев В.Ф. История Мьянмы / Бирмы. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2009. 431 с.
- Ефремова К.А. Бирма/Мьянма: парадоксы демократического транзита (1987–2017). – М.: МГИМО-Университет, 2018. 186 с.
- Липилина И.Н. Королевство Таиланд // Электоральные процессы в странах Юго-Восточной Азии в XXI веке. Отв. ред. Н.Н.Бектимирова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 145–167.
- Симония А.А. Мьянма: Арена «большой игры» за политическое влияние в Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 76–84.
- Симония А.А. Мьянма: нерешенные политические проблемы правительства НЛД // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 4. С. 100–111.
- Chambers P. Constitutional change and security forces in Southeast Asia: lessons from Thailand and Myanmar // Contemporary Southeast Asia. 2014. № 1 (36). P. 101–127. DOI: 10.1355/cs36-1e.
- Fiori A., Passeri A. Hedging in search of a new age of non-alignment: Myanmar between China and the USA // Pacific Review. 2015. № 5 (28). С. 679–702. DOI: 10.1080/09512748.2015.1012543.
- Haacke J. The United States and Myanmar: from antagonists to security partners? // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2015. № 2 (34). С. 55–83.
- Maung Aung Myoe. The soldier and the state: the Tatmadaw and political liberalization in Myanmar since 2011 // South East Asia Research. 2014. № 2 (22). С. 233–249. DOI: 10.5367/sear.2014.0205.

BIBLIOGRAPHY

- Chambers P. (2014). Constitutional Change and Security Forces in Southeast Asia: Lessons from Thailand and Myanmar. *Contemporary Southeast Asia*. No. 1 (36). 101–127.
DOI: 10.1355/cs36-1e.
- Efremova K.A. (2018) *Birma / M'yanma: paradoksy demokraticheskogo tranzita (1987–2017)* [Burma/Myanmar: Paradoxes of Democratic Transit (1987–2017)]. Moscow: MGIMO University. 186 p.
- Fiori A. and Passeri A. (2015). Hedging in Search of a New Age of Non-alignment: Myanmar between China and the USA. *Pacific Review*. No. 5 (28). 679–702.
DOI: 10.1080/09512748.2015.1012543.
- Haacke J. (2015). The United States and Myanmar: From Antagonists to Security Partners? *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. No. 2 (34). 55–83.
- Lipilina I.N. (2015). Korolevstvo Tailand [The Kingdom of Thailand]. In *Elektoral'nyie protsessy v stranakh Yugo-Vostochnoi Asii v XXI veke* [Electoral Processes in Southeast Asian States in the 21st Century]. Ed. N.N.Bektemirova. Moscow: Institute of Oriental Studies. 145–167.
- Maung Aung Myoe (2014). The Soldier and the State: the Tatmadaw and Political Liberalization in Myanmar since 2011. *South East Asia Research*. No. 2 (22). 233–249.
DOI: 10.5367/sear.2014.0205.
- Simoniya A.A. (2013). M'yanma: arena “bol'shoi igry” za politicheskoye vliyaniye v Yugo-Vostochnoi Azii [Myanmar: a Stage for the “Great Game” over the Political Influence in the Southeast Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya*. No. 10. 76–84.
- Simoniya A.A. (2018). M'yanma: nereshonnyie politicheskoye problem pravitel'stva NLD. [Unresolved Political Problems of the NLD Government]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyie problemy razvitiya*. [Southeast Asia: Current Development Issues]. No. 4. 100–111.
- Vasiliyev V.F. (2009). *Istoriya M'yanmy / Birmy* [History of Myanmar/Burma]. Moscow: Institute of Oriental Studies; Kraft+. 431 p.